

*Р.М. Валеев***Булгарские клады как источник по развитию товарно-денежных отношений в Волжской Булгарии (IX–XIII вв.)**

Ключевые слова: булгарские денежно-вещевые клады, изделия ювелирного ремесла, слитки, монетные клады и этапы денежного обращения, «безмонетный» период XI–XII вв., импортные ювелирные вещи.

Key words: boulgar money and object treasures, jewelry, ingots, monetary treasures and the stages of currency (money circulation), «non-monetary» period in 11–12th centuries, imported jewelry.

В IX–X вв. на территории Среднего Поволжья и Прикамья складывается одно из крупнейших государственных образований Восточной Европы периода раннего Средневековья – Волжская Булгария, сыгравшая огромную роль в этногенезе, истории и культуре народов этого региона. Она представляла собой раннефеодальное государство с развитой экономикой, основу которой составляли земледелие, скотоводство, высокоразвитые ремесленные производства, а также внутренняя и внешняя торговля, что, безусловно, сопровождалось социальным расслоением населения. Во многом процессу феодализации общества способствовало официальное принятие в 922 г. ислама на государственном уровне и вхождение страны в систему мусульманской цивилизации и ее высоко развитой культуры. Все это повлияло на процесс формирования раннефеодального общества, который завершился не позднее середины X в. и в отличие от Западной Европы, где изначально присутствовало частное крупное землевладение, в Булгарии использование труда началось не с обложения населения теми или иными видами ренты в пользу отдельных лиц, а с обременения государственными повинностями и различными поборами в казну, поэтому в роли феодала выступало само государство [1, с. 56]. Эта форма преобладала в целом ряде стран Востока, а также в восточноевропейских странах на территории Хазарии и Руси [2, с. 31], особенно в первоначальный период их развития. Интересно то, что при изучении феодальных отношений в Западной Европе исследователи отмечают роль государственной формы собственности в характере и сущности раннего феодализма в этих странах, что подтверждается многочисленными сведениями различных капитуляриев и актов на примере Франции, поэтому между частно-вотчинной и государственной формами не существовало коренных различий и в обоих случаях налог или рента шли в пользу господствующей верхушки [3, кн. I].

Развитие феодальных отношений привело к появлению в Булгарии частно-вотчинного феодализма,

что подтверждается большим числом на ее территории городищ – остатков феодальных замков [4, с. 36–37]. В Западном Закамье и Предволжье известно более 70 сооружений с мощной обороной (от 1-го до 4-х рядов валов) при небольшой площади (в среднем 30–40 тыс. кв. м) и наличии вокруг них нескольких окружающих сел (в пределах 1–7) [2, с. 29–31]. Эти города-крепости, а также более крупные города располагались на важных сухопутных и речных торговых путях, соединявших различные регионы Булгарии и обеспечивавших безопасность системы внутренней и внешней торговли как внутри государства, так и за ее пределами. О появлении частно-вотчинного феодализма в XII – начале XIII в. свидетельствует существование тарханного права и тарханских владений, и это право передавалось по наследству на несколько поколений и достаточно широко существовало в более поздний золотоордынский и казанские периоды в XIII–XVI вв. [1, с. 60–61; 5, с. 136].

Экономическому развитию Булгарии и ее значению в истории Евразии этого периода способствовало и то, что ее территория отличалась богатыми природными ресурсами, располагалась в географически благоприятном районе Восточной Европы, где протекали Волга, Кама, Вятка – три крупнейшие водные магистрали, а также находился стык торговых путей Запада и Востока.

Особое место в экономике Волжской Булгарии домонгольского периода занимали высокоразвитые ремесленные производства, в первую очередь продукция ремесленников по обработке цветных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней, которые пользовались широким спросом не только в булгарских городах и селах, но и за пределами государства – Древней Руси на Верхней Каме, в Средней Азии, Западной Сибири и др. [6, с. 255–257; 7, с. 94]. Причем в Булгарии продавались ювелирные изделия не только булгарского производства, но и иранские, среднеазиатские и скандинавские изделия, что еще раз служит источником для характеристики Булгарии как центра транзитной международной торговли.

Для производства изделий из цветных и драгоценных металлов местные ремесленники располагали значительной меднорудной базой. Залежи медистых песчаников Уральской горнометаллургической зоны тянутся вдоль Уральских предгорий от Соликамска до Оренбургской области и по Каме и Средней Волге до Чебоксар [8, с. 37, рис. 2]. На территории Волго-Камья

известно около 220 пунктов концентрации медных соединений [9, с. 253]. Источником олова являлся Алтай, где найдены его россыпи и коренные месторождения [7, с. 78]. Тесные торговые и культурные связи населения Волго-Камья и Алтая, установившиеся еще в глубокой древности и продолжавшиеся существовать в рассматриваемую эпоху, создавали объективные условия для притока олова на территорию Булгарского государства [6, с. 157]. Следовательно, олово являлось также предметом торговли в межрегиональной торговле Поволжья и Алтая.

Слитки серебра в виде палочкообразных («новгородские»), круглых («балешы») и бесформенных кусочков имеются в коллекциях Билярского, Булгарского и Елабужского городищ, Измерского селища, а также в составе монетных и смешанных денежно-вещевых кладов. Наиболее ранними из них являются слитки в виде бесформенных кусочков из Измерского селища, переживавшего свой расцвет во второй половине X – первой половине XI в. [10, с. 193–194], из клада в с. Татарский Толкиш Чистопольского района Татарстана, где они встречаются вместе с куфическими дирхемами X в. разных династий, подражаниями куфическим монетам (21 экз.) и ярмаками булгарских эмиров [11, с. 23, №64; 12, с. 148, табл. 8, 10], а наиболее поздними можно считать слитки из Елабужского клада, где они встречены вместе с ювелирными и драгоценными вещами XII–XIV вв. [13, с. 86, 102], а также в золотоордынских слоях Булгарского городища в раскопах 19, 47, 49 [6, с. 157]. Сырьем для этих слитков послужила огромная масса куфических дирхемов, поступающая в Восточную и Северную Европу в VIII – начале XI в. [14, с. 79–140], а также серебряные месторождения Урала, откуда посредством торговли они направлялись в Волжскую Булгарию.

Драгоценные и полудрагоценные камни поступали из восточных стран, и они составляли вторую по важности группу импортируемых восточных товаров. Из Ирана везли йеменский сердолик, из более южных стран – мадагаскарский горный хрусталь, из Мавераннахр – согдийский хрусталь и среднеазиатскую бирюзу, из Хорезма – сердолик, из Синда (Индия) – горный хрусталь, из Бадахшана (Северный Афганистан) – лазурит [12, с. 65]. Из Прибалтики доставляли янтарь. По всей видимости, драгоценные и полудрагоценные камни привозили и из уральских месторождений. Естественно, что все это сырье служило предметом импорта в торгово-экономических взаимоотношениях.

Существовали мастерские, которые функционировали практически во всех городах. Булгарские медники выпускали в основном разнообразную посуду – кружки, чаши, блюда, котлы, светильники, маленькие сосудики (чернильницы?), а также чашечки весов, гирьки-разновесы и т.д. На Старокуйбышевском IV поселении жили ремесленники, специализировав-

шиеся на изготовлении бронзовой посуды [15, с. 54]; в Биляре работали мастерские по изготовлению бронзовых замков в виде фигурок рогатых барсов.

Обработка цветных металлов теснейшим образом связана с ювелирным ремеслом, которое у волжских булгар достигло высокого совершенства и составило сущность и характер булгаро-татарского ювелирного искусства. Ювелирные мастерские располагались, как правило, в центральной части города, ближе к заказчику и потенциальному потребителю. Специальных мастерских археологически пока не выявлено, если не считать остатков размытого жилища ювелира на Семеновском I поселении с находками литых накладок поясного набора, пронизки и обрезков бронзового полотна [15, с. 54], но достаточно многочисленны следы производства в виде тиглей и литейных форм, ремесленного инструментария и великолепных образцов готовой продукции. Так, на Измерском I, Семеновском I и II, Старокуйбышевском IV селищах низовий Камы обнаружены различные инструменты ювелиров, обломки каменных литейных форм, штампы-матрицы, мотки медной и серебряной проволоки для сканых изделий и т.п.

Наряду с тиглями, литейными формами и матрицами деятельность булгарских ювелиров в городах археологически представлена разнообразным набором инструментария, включающего молотки-чеканы, наковальни, напильники, пунсоны, пинцеты, мелкие пробойники и зубила. Они происходят в основном из Биляра, поселений в низовьях Камы, исследованных Е.П.Казаковым [15, с. 47], есть и в коллекциях Булгарского городища и Муромского городка.

Ассортимент продукции булгарских ювелиров весьма обширен. Излюбленными украшениями женщин были плетеные и пластинчатые браслеты, серьги-лунницы с ложнозерненным оформлением лицевой стороны, перстни и височные подвески, изготовленные из серебра, меди, реже из золота. Один из центров изготовления плетеных браслетов и гривен находился на Старокуйбышевском IV поселении. Шумящие привески и другие украшения финно-угорского облика были рассчитаны на экспорт. Богат также ассортимент поясных украшений, принадлежностей одежды и предметов женского туалета. На Измерском I поселении обнаружены следы производства зооморфных и прочих типов накладок.

В продукции булгарских ювелиров имеются изделия различного качества изготовления – в мастерских работали ремесленники разной квалификации, а сами вещи были рассчитаны на разного потребителя. Однако высокопрофессиональные мастера знали сложнейшие приемы обработки драгоценных металлов. Они владели, например, техникой скани (филиграни) и зерни. Сканые украшения делались из золота и серебра. Из одного грамма золота щипцами через отверстия в стальной пластине – волочильной доске можно было

вытягивать тончайшую нить длиной до 2500 м. Из раскопок Булгарского городища известна небольшая металлическая дощечка с рядами мелких круглых отверстий разного диаметра, служившая волочиной доской [16, с. 229]. Сканные изделия часто украшались зернью – мелкими гладкими шариками, напаянными на узоры. Техника изготовления и закрепления зерни требовали от мастера большого искусства, точности исполнения и терпения.

Великолепным образцом совершенства ювелирного ремесла по праву считаются классические болгарские изделия XI–XII вв. – золотые височные подвески в виде кольца с тремя желудеобразными бусинами-пронизками, ажурной фигуркой уточки в центре и тремя привесками-бусами на тонких цепочках, свисающих пучком от средней бусины кольца. Бусины-пронизки и бусины-привески красиво украшены орнаментом из треугольников тончайшей зерни, в то время как крылья, грудь и шея утки сплошь покрыты тонкой сканной веревочкой – филигранью. Такие украшения, известные из Биляра и Булгара, выполнялись по специальным заказам и были рассчитаны главным образом на удовлетворение потребностей высшей феодальной знати и ее окружения.

Близко к ювелирному делу, но не по технологическим приемам, а по функциональному назначению производимой продукции, стоит обработка драгоценных и полудрагоценных камней. При раскопках многих болгарских городищ находят не только готовые украшения в виде бус, подвесок, кулонов, перстней из сердолика, горного хрусталя, лазурита, халцедона, янтаря и подобного, но и их заготовки-полуфабрикаты и отходы производства. В центральной части внутреннего города Биляра, примерно в 130–150 м к югу от белокаменной Соборной мечети, были исследованы остатки двух наземных построек с подпольями и хозяйственными сооружениями вокруг них. Они относятся к XII в. В одной из построек удалось собрать около 3 кг, в другой – более 6 кг необработанного янтаря [16, с. 230]. При раскопках мастерской алхимика и стеклодува в 1998 г. С.И. Валиуллиной обнаружено более килограмма янтаря [17, с. 146–165]. Любопытно, что самое большое количество янтаря – около 6 кг – было известно до сих пор только в Киеве, в жилище богатого торговца, и в Новгороде. К сожалению, готовых украшений или их заготовок обнаружено немного, среди них: каплевидные и подтреугольные бусы-подвески, шаровидные и других форм бусы различной степени готовности. Тем не менее функциональное определение построек не может вызвать возражений – это жилища-мастерские ремесленников, причем довольно зажиточных, специализировавшихся на изготовлении янтарных украшений. По характеру сопровождающих находок (фрагменты древнерусской посуды, глиняные яйца-писанки и свистульки, кости свиньи, шиферные пряслица, обломок стеклянного

браслета, древнерусская вислая печать) установлено, что в них жили русские мастера по янтарю, работавшие на заказ, может быть, специально-приглашенные болгарской знатью из древнерусских городов.

Особенно ярко работу на заказ, а впоследствии и на рынок, показывает продажа ювелирных изделий, изготавливаемых болгарскими ювелирами. Они делали серебряные украшения, а купцы организовывали их широкую продажу. Имеется группа ювелирных золотых и серебряных изделий, которые свидетельствуют о высоком уровне ювелирного ремесла у болгар и, вместе с тем, о сосредоточении богатства у верхушки общества. Об ассортименте ювелирных изделий и городской ремесленной продукции, монет как средств обращения, а самое главное – о развитости товарного производства и товарно-денежных отношений Болгарии в X–XIII вв. яркое представление дают монетные и смешанные денежно-вещевые клады. Причем, если монетные клады достаточно неплохо изучены и открывают хорошие возможности сравнительной характеристики уровня развития денежной торговли [12, с. 89–100], то денежно-вещевые клады как источник по специфике темпов и существа развития товарно-денежных отношений на территории Булгарского государства практически не рассматривались.

А между тем клады монет, вещей и слитков всегда вызывали повышенный интерес исследователей в силу их большой информативности*. Материалы некоторых денежно-вещевых кладов, таких как Билярский 1882 г., Спасский 1869 г., Сабакайский 1870 г., датированные XI–XII вв. и опубликованные еще в XIX – первой половине XX в., стали классикой болгарской археологии. Во второй половине XX в. вышли в свет научные публикации вещевых кладов: Балыкульского X – начала XIII в. [18, с. 248], Бутаевского XI–XII вв. [19, с. 195–202], Мокрокурналинского XII в. [20, с. 308] и Кожаевского конца XI – начала XII в. [21, с. 105–109]. Из них только последний был найден во время раскопок и имеет четкую датировку по стратиграфии.

Анализ содержания кладов позволил выделить комплекс болгарских украшений и его варианты, а также проанализировать стилистические особенности этих изделий [22, с. 322–348; 23, с. 32–41].

Остановимся только на тех, которые наиболее ярко дают представление о внутренней, внешней торговле и развитии товарно-денежных отношений в Булгарском государстве. На первом месте среди кладов украше-

* Они имеют обширную источниковую базу и литературу. Информация почти о всех таких находках на территории Казанской губернии, сделанных до 1917 г., публиковались в отчетах Императорской археологической комиссии и Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Университете по материалам, которые присылались в эти организации канцелярией Казанского генерал-губернатора [24], в топографии А.А. Ильина [11], а также в Своде Р.Г. Фахрутдинова, куда вошли сведения о более чем 73 кладах и 125 находках вещей и монет [25, с. 196–197].

ний, безусловно, стоит Мокрокурналинский, в составе которого был комплект золотых ювелирных изделий билярских ювелиров, изготовленный в XII в. [20]. Он был обнаружен М.В. Садыковым весной 1958 г. близ с. Мокрые Курналы Алексеевского района Республики Татарстан на левом берегу Курналинки, левого притока Камы. Клад состоял из пары золотых височных колец и шести серебряных витых из серебряной проволоки браслетов. Великолепное описание височных колец сделала Т.А. Хлебникова. Она писала: «Золотые височные кольца имеют три желудевидные бусины на проволочном разомкнутом кольце, и еще три бусины подвешены на цепочках. В кольце расположена фигурка птички, украшенная зернью и сканью. Общая длина привесок – 12 см.

Браслеты в кладе плетеные, проволочные, размером 7–8 х 6–6,3 см. Толщина проволоки 1–1,2 мм, плетение осуществлялось из трех пар проволок, причем концы браслетов сведены вместе и расплющены» [20].

Другим украшением, служившим предметом внутренней и даже внешней торговли, были плетеные шейные обручи, или гривны. Изготавливались они в Булгаре и Биляре с конца X – начала XI в. Такая гривна вместе с десятью плетеными серебряными браслетами и девятью слитками серебра найдена в Балыкульском кладе. Он был обнаружен в 1906 г. у деревни Балыкуль бывшего Спасского уезда Казанской губернии местным жителем Магомедом-Гали Мостюковым (хранится в ГИМе. Инв. №44222) [18].

Интересно предположение Г.Ф. Поляковой, что «найденные на Руси плетеные гривны относятся к числу привозных изделий, поступавших на Русь из Волжской Булгарии уже со второй половины X века в результате установившихся тесных торговых и культурных связей между обоими государствами. Булгарские плетеные гривны и браслеты составляли, по-видимому, стилистически единый комплект украшений. Об этом свидетельствует некоторая закономерность во взаимовстречаемости их в кладах домонгольского времени. Так, например, гривнам обязательно сопутствуют браслеты, и именно в кладах с гривнами число браслетов особенно велико» [18].

В Булгаре в XII в. была, видимо, изготовлена серебряная гривна, найденная близ города Чистополя и опубликованная О.С. Хованской [26, с. 239–243]. Исследовательница так описывает находку, обстоятельства обнаружения которой остались неизвестны: «Нагрудное украшение состоит из витой серебряной гривны и трех подвесок в виде блях. Гривна сплетена из шести проволок. Концы ее сомкнуты.

Гривна скручена из серебряных проволок диаметром 1–1,2 мм; проволока выработана путемковки, о чем можно судить по неровности ее диаметра и отсутствию продольных полос. Эти показатели

Б.А. Рыбаков считает типичными при применении техники «волочения», т.е. протягивания разогретой проволоки через отверстия того или иного диаметра. Бляхи толщиной до 1,5 мм изготовлены посредством штамповки, причем внутренняя поверхность осталась шероховатой.

Скань положена из тонкой серебряной проволоки диаметром около 0,2 мм. Из двух проволок скручен жгутик. Через лупу можно различить на проволоке продольные полосы, что указывает на применение способа «волочения». Посредством припоя (неизвестного состава) жгутики закреплялись на диске. Зернь (диаметром 0,4–0,5 мм) выделана, возможно, тем же приемом, что и в Киевской Руси. Обращает на себя внимание тонкая работа скани и зерни, близкая по выполнению к замечательным булгарским золотым изделиям. Что же касается отделки блях шатенами, то необходимо констатировать грубость выделки, применение тусклого стекла низкого качества вместо самоцветов».

Приведем и вывод исследовательницы, интересный нам в свете торговых и культурных контактов: «Характер ювелирной техники и позволяет нам определить племенную принадлежность ремесленника, создавшего нагрудное украшение. Это уникальное ожерелье, отразившее в своей форме и отделке булгарские и финно-угорские элементы, могло быть сделано только руками булгарского ремесленника. Оно было изготовлено по специальному заказу представительницы финно-угорских северных племен. В этом нас убеждает форма блях, представляющих собою типичную «замкнутую» лунницу Северного Прикамья. Если учесть, что самым распространенным украшением указанной области были гривны и бляхи, то становится понятным соединение этих двух видов изделий в одно целое. Изготовление описанного нагрудного украшения относится к XI–XII векам – к периоду расцвета булгарского ювелирного дела» [26].

Стоит выделить Бутаевский клад, опубликованный А.М. Ефимовой. Судя по составу его вещей, он собирался в течение достаточно длительного времени. Его местоположение – в глухой лесной чаще, на расстоянии 25–40 км от ближайшего населенного пункта в то время, делает вероятным предположение, что это следы культового места для поклонения лесным духам. Что же входит в состав клада?

Это височные кольца (8 экз.) из довольно толстой (до 3 мм в сечении) проволоки. «На нижнюю половину кольца надеты три полые серебряные бусины в форме желудей. Они выполнены чеканкой из тонкого листового серебра; каждая состоит из двух вертикальных половинок; шов их соединения закрыт тремя поясками сканной проволоки. Для закрепления бусины на определенном месте дрот кольца между ними обвит сканной проволокой. Кольца крупные, массивные» [19].

Дополняли украшение ремней конской сбруи круглые серебряные бляхи-накладки (23 экз.), выполненные из тонкого листового серебра. Выглядят они как выпуклые розетки, в форме рельефных десятилепестковых цветов. Нагрудный ремень конской упряжи украшали восемь больших круглых блях-подвесок из серебра с ушками для крепления. Бляхи круглой формы, причем одна из них имеет чеканный орнамент.

Интересно замечание А.М. Ефимовой о том, что «все украшения Бутаевского клада являются продукцией местного производства; это изделия болгарских мастеров-ювелиров, возможно, г. Биляра – ближайшего крупного ремесленного центра X–XII вв.» [19].

Отличительной чертой этого клада является наличие в его составе ожерелья из стеклянных бусин (107 экз.), различных по цвету, форме и размерам, а также трех подвесок-амулетов из медвежьих зубов с просверленными отверстиями для подвешивания. А.М. Ефимова датировала Бутаевский клад XI–XII вв. [19]. Г.Ф. Полякова, вновь проанализировав состав этого клада, пришла к выводу, что его нужно датировать XIV в. Причем украшения из этого клада, по ее мнению, настолько сходны с изделиями из клада предметов, найденных у с. Четырлы, отнесенному к XIV в., что «можно считать их изделиями если не одного мастера, то по крайней мере одной мастерской» [27, с. 235–236].

Отметим, что Бутаевский клад является кладом длительного накопления и может содержать разновременные предметы. Тем не менее создается впечатление, что основное время бытования предметов из бутаевского клада относится ко времени до XIV в. Не исключено, что четырлинские изделия имеют более раннее происхождение.

Учитывая характер рассматриваемых кладов и наличие монетных и монетно-вещевых кладов, мы можем достаточно четко датировать эти комплексы находок. Начальной точкой отсчета, видимо, является начало XI в. До этого клады были в основном монетные, и только Таттолкишский клад 1907 г. содержал, кроме 186 монет, обломки серебряных ножен с чернью и позолотой, а также два свернутых в трубочку круглых слитка весом 20 золотников 75 долей и 22,33 золотника. Кувшин, в котором находился клад, импортный, совершенно отличный от болгарских кумганов XII–XIII вв.

Итак, клады можно рассматривать как индикатор экономических процессов Волжской Булгарии, а само экономическое состояние стимулировало развитие государства. Если монетное дело и денежное обращение Волжской Булгарии характеризовали непосредственно уровень торгово-экономических отношений в государстве и ее инструменты, то движение товара, в данном случае предметов ювелирного искусства и литейного ремесла меди, серебра и золота, их интенсивность,

воспроизводство товара и есть характеристика экономического состояния государства, динамика роста товарного производства в этот период и основные тенденции развития торговли и товарно-денежных отношений не только в регионе Волго-Камья, но и в восточноевропейском, центральноазиатском регионах и Скандинавии.

На территории Волжской Булгарии распространялись следующие группы иноземных денег: сасанидские и византийские монеты, куфические дирхемы, подражания куфическим дирхемам, в том числе и чеканенные булгарами, западноевропейские и центральноевропейские денарии, а также монеты болгарской чеканки (902–987 гг.).

Особую группу среди них составляют куфические дирхемы, подражания и монеты болгарской чеканки, которые по сути более чем на 200 лет составили основную группу монет, обращавшихся в Восточной и Северной Европе [12, с. 89–100].

Куфические монеты, участвующие в товарно-денежном обращении булгар, можно условно разделить на два крупных типа: арабские монеты, которые в основном имели обращение в конце VIII–IX вв., и саманидские монеты, обращение которых зафиксировано в X в.

В.Л. Янин, основываясь на данных Р.Р. Фасмера, предлагает следующую периодизацию обращения восточных монет для Восточной Европы: этап I – денежное обращение в конце VIII – первой трети IX в.; этап II – денежное обращение в 833–900 гг.; этап III – денежное обращение в 900–938 гг.; этап IV – денежное обращение с 938 г. по конец X в. [14, с. 86–140]. В отношении Булгарии данная периодизация также правильна, но ввиду того, что кладов и отдельных находок монет здесь найдено меньше (по сравнению с Восточной Европой), представляется более целесообразным объединить первый и второй этапы в единый период с преобладанием аббасидских монет (конец VIII – конец IX в.). Этот период связывается с раннебулгарским периодом истории страны, который представлен могильниками, такими как Кайбельский, Больше-Тарханский, Танкеевский, Тетюшский. Как раз к концу VIII–IX вв. относится начало функционирования этих могильников. И что интересно, в них отмечаются находки как сасанидских, так и арабских монет [28, с. 145; 29, с. 177; 30, с. 9].

Одним из наиболее древних кладов, найденных на территории Булгарии, является клад около с. Альметьево в 20 км от Билярска. В нем 150 дирхемов VIII–IX вв. [31, с. 88, №123]. Кладов, относящихся к IX в., больше не обнаружено, но отдельные находки в 7 местах монет этого периода встречаются [12, с. 147, табл. 9].

Часть куфических монет конца VIII–IX вв. населением Булгарии использовалась как украшение и обладала особой потребительной стоимостью. Най-

денные монеты с отверстием или ушком в Больше-Тарханском, Танкеевском, Больше-Тиганском могильниках подтверждают, что использование монетного серебра в эстетических целях имело место. Однако о массовом характере этого явления говорить не приходится. По всей видимости, скорее всего в конце IX в. куфические монеты начинают использоваться как средство обращения. Альметьевский клад, найденный недалеко от Билярска, позволяет говорить об этом.

В X в. наиболее сильным государством в Средней Азии становится Саманидское государство, которое оказывало серьезное влияние на булгар. Некоторые ученые, в частности А.П. Смирнов, С.А. Янина и Е.А. Халикова, считают, что саму идею ислама следует связывать с активным влиянием Саманидского Хорасана [30, с. 14–15; 32, с. 184–185]. Вывод об этом подтверждается и тем, что основную массу дирхемов составляли саманидские. Преобладание этих монет характерно для второго периода денежного обращения (III и IV этапы). Принятие ислама, сближение с культурой Арабского Востока и Средней Азии привело к резкому увеличению числа монет. Ко второму периоду относятся 19 кладов и 10 отдельных находок монет. В X в. наряду с саманидскими были в обращении и монеты других династий, таких как Зириды, Джуландиды, Саллариды, Аббасиды, что достаточно ясно видно из состава кладов. Для второй половины X в. выделяется такая группа как монеты Бувейгидов [12, с. 148–149, табл. 10]. Особую группу в кладах второго периода составляют так называемые куфические подражания дирхемам и монеты булгарской чеканки, которые восполняют нехватку в металлических монетах и свидетельствуют о достижении булгарами значительного развития внутреннего товарно-денежного обращения [12, с. 95–100].

Начиная с 70-х гг. X в. население Восточной Европы большую часть куфических дирхемов превращало в обломки [33, с. 138]. В кладах и поселениях обломки встречаются довольно часто, что свидетельствует о состоянии монетного дела в Средней Азии и потребности булгарского населения в подобного рода средствах обращения. Судя по многочисленности находок в кладах и поселениях, серебро служило основным средством обращения в торговых операциях булгар. При этом то, в какой форме подавалось оно, служило хронологическим показателем и одновременно отражало состояние торговли во всем восточноевропейском регионе. Так, в самом начале активной торгово-ремесленной деятельности волжских булгар хождение имели целые монеты (Билярский клад 1853 г., Крещено-Баранский клад 1905 г., Булгарский клад 1895 г., Кокряцкий клад 1890 г., Суварский клад и др., Семеновское I, Старокуйбышевское V селища и др.). В комплексах конца 70-х гг. – первой половины XI в.

(Мусоркинский клад 1890 г., Балымерский клад 1862 г. и др., Измерское, VI Алексеевское и другие селища) встречаются многочисленные обломки дирхемов и редко западноевропейские монеты. В памятниках второй половины домонгольского времени фиксируются только куски серебра (Старокуйбышевское IV селище), а также слитки.

Следует, однако, отметить, что куски серебра в отличие от монет и их обломков встречаются на протяжении всего домонгольского периода с X по XIII в. Интересно, что обломки, обрезки и стертые монеты представляют собой существенную часть кладов в Восточной Европе. Монетный лом вошел в состав обращения в результате развития серебряного кризиса как реакция денежного хозяйства на ухудшение качества выпускаемых монет. В тех случаях, когда серебро принималось исключительно по весу, ломке и обрезанию подвергались все монеты безотносительно к их качеству [33, с. 138]. Подтверждением весового приема дирхемов является широкое распространение на Измерском селище гирек и их использование местным населением в торговых операциях.

Измерское селище в конце X – первой половине XI в. переживает расцвет. Здесь нет целых монет, синхронных вышеотмеченным монетам с Семеновского селища, хотя имеется масса обрезков серебряных дирхемов, в том числе бувейгидского чекана 387–412 гг. (997–1022 гг.). На поселении найдены также западноевропейские монеты 1037–1060 и 1027–1054 гг. (определение А.С. Белякова). Видимо, последней четвертью X – первой половиной XI в. следует датировать весы и большинство гирек и весов Измерского селища [10, рис. 1, с. 1–23, 28, 30–32, 34–37].

Эти данные хорошо согласуются с данными письменных источников. Известно сообщение Ибн Русте, относящееся еще к концу IX – началу X в.: «Основное имущество у булгар – меха куницы, у булгар нет золотой или серебряной монеты, а расплачиваются они кунным мехом, один мех равен двум с половиной дирхемам; диргемы же белые круглые привозят к ним из мусульманских стран» [34, с. 34]. У Гардизи, автора середины XI в., есть дополнение, отсутствующее у Ибн Русте: «Эти диргемы они ломают, и каждый кусок (употребляют в дело?). Потом они те диргемы отдают русам и славянам, так как те люди не продают товара иначе, как за чеканенные диргемы» [34, с. 34, 35]. Анализ состава кладов на территории Руси позволил В.Л. Янину сделать интересный вывод, что «особенностью состава кладов второй половины X и первой половины XI в. указывают на преобладание в течение этого длительного периода весового приема монеты над счетным. Эти клады изобилуют обломками самого неопределенного вида, оценка которых возможна только при помощи весов и гирь» [14, с. 171].

Для преодоления недостатка средств обращения и обеспечения удобства торговых сделок на внутреннем рынке местное население стало использовать западноевропейские денарии, а также кусочки серебра [10, с. 194, табл. 6]. Их появление на поселениях относится к концу X в.

Кусочки серебра на поселениях самых различных форм – треугольной, круглой, неправильной и др. Распространение кусочков серебра характерно для широкого региона Европы вплоть до Скандинавии. В скандинавских кладах наряду с фрагментами монет появляются в большом количестве обломки украшений и кусочки серебряных слитков [33, с. 138].

Следует предположить, что использование кусочков серебра заложило основу и подготовило население к последующему широкому использованию

в роли средства обращения слитков серебра, так называемых круглых и новгородских, также находимых в составе кладов.

Серебряный кризис и «безмонетный» период XI–XII вв. определили широкое распространение вещевых кладов, начиная с XI в. Они свидетельствуют, с одной стороны, о сосредоточении богатства у верхушки общества, а с другой стороны, о широкой организации продажи болгарскими купцами ювелирных украшений и изделий литейного ремесла из цветных и драгоценных металлов, не только болгарского, но и импортного производства из восточных стран – Ирана, Средней Азии, Индии, Китая, Кавказа, а также Руси и Скандинавии, масштабах, объеме товарных отношений и раскрывают новые аспекты экономического развития Булгарского государства.

Библиографический список

1. Хузин, Ф.Ш. Ранние болгары и Волжская Булгария (VIII – нач. XIII в.) / Ф.Ш. Хузин. – Казань, 2006.
2. Фахрутдинов, Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии / Р.Г. Фахрутдинов. – М., 1984.
3. Колесницкий, Н.Ф. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах / Н.Ф. Колесницкий // Проблемы истории докапиталистических обществ. – М., 1968. – Кн. 1.
4. Смирнов, А.П. Волжские болгары / А.П. Смирнов. – М., 1951.
5. Халиков, А.Х. Монголы, татары, Золотая Орда и Булгария. – Казань, 1994.
6. Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов / Г.Ф. Полякова // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань, 1996.
7. Хлебникова, Т.А. Основные производства волжских болгар периода X – начала XIII в. : дис. ... канд. ист. наук / Т.А. Хлебникова. – Казань, 1964.
8. Черных, Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья / Е.Н. Черных // МИА. – 1970. – №172.
9. Миропольский, Л.М. Топогеохимическое исследование пермских отношений в Татарии / Л.М. Миропольский. – М., 1956.
10. Валеев, Р.М. Весовые гири и некоторые другие предметы торговли с болгарских поселений X–XI вв. в низовьях р. Ахтай / Р.М. Валеев, Е.П. Казаков // Российская археология. – 1993. – №1.
11. Ильин, А.А. Топография кладов золотых и серебряных слитков / А.А. Ильин // Труды Нумизматической комиссии. – Пг., 1921. – Т. 1.
12. Валеев, Р.М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX – начала XIII веков / Р.М. Валеев. – Казань, 1995.
13. Отчет Археологической комиссии за 1908 (ОАК). – СПб., 1912.
14. Янин, В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период / В.Л. Янин. – М., 1956.
15. Казаков, Е.П. Булгарское село X–XIII вв. низовий Камы / Е.П. Казаков. – Казань, 1991.
16. Хузин, Ф.Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / Ф.Ш. Хузин. – Казань, 2001.
17. Валиуллина, С.И. Стекло Волжской Булгарии. – Казань, 2005.
18. Полякова, Г.Ф. Балыкульский клад болгарских украшений домонгольского времени / Г.Ф. Полякова // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. – М., 1971.
19. Ефимова, А.М. Бутаевский клад ювелирных изделий волжских болгар / А.М. Ефимова // СА. – 1960. – №3.
20. Хлебникова, Т.А. Еще одна находка болгарских ювелирных изделий / Т.А. Хлебникова // СА. – 1963. – №1.
21. Кавеев, М.М. Клад ювелирных изделий с Кожавского IV селища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / М.М. Кавеев. – Казань, 1992.
22. Руденко, К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. / К.А. Руденко. – Казань, 2001.
23. Руденко, К.А. Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана / К.А. Руденко // Великий Волжский путь: история формирования и развития. – Казань, 2002. – Ч. 2.
24. Национальный архив. – Ф. 1. Архив казанского генерал-губернатора.
25. Фахрутдинов, Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория / Р.Г. Фахрутдинов. – Казань, 1975.
26. Хованская, О.С. Нагрудное украшение из булгарского города Джукетау / О.С. Хованская // СА. – 1958. – № 1.
27. Полякова, Г.Ф. О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Булгарии / Г.Ф. Полякова // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья : материалы научной конференции. – М., 2000.
28. Казаков, Е.П. Погребальный инвентарь Танкеевского могильника // Археология и этнография Татарстана / Е.П. Казаков. – Казань, 1971. – Вып. 1.

Булгарские клады как источник по развитию товарно-денежных отношений...

29. Халикова, Е.А. Больше-Тиганский могильник / Е.А. Халикова // Советская археология. – 1976. – №2.

30. Халикова, Е.А. Мусульманские могильники Волжской Булгарии X – начала XIII в. как исторический источник : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.Е. Халикова. – М., 1976.

31. Кропоткин, В.В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе / В.В. Кропоткин // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1971. – Т. 9.

32. Янина, С.А. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии / С.А. Янина // МИА СССР. – 1962. – №111.

33. Фомин, А.В. Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе / А.В. Фомин // Нумизматика и эпиграфика. – М., 1984. – Т. 14.

34. Заходер, Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе / Б.Н. Заходер. – М., 1967. – Т. 2.